

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 30

1966

Эльвио РОМЕРО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЗЕМНОЙ ЗНОЙ

Эльвио РОМЕРО

ЗЕМНОЙ ЗНОЙ

СТИХИ

Перевел с испанского

Павел ГРУШКО

Издательство «ПРАВДА»

Москва, 1966

Эльвио РОМЕРО

Известный парагвайский поэт Эльвио Ромеро родился в 1926 году в маленьком поселке Йéгрос на юго-востоке Парагвая. Отец его был деревенским плотником, мать — крестьянкой.

В 1945 году было опубликовано первое стихотворение Ромеро, посвященное знамени Победы, водруженному над рейхстагом.

В 1947 году, когда на севере Парагвая вспыхнуло восстание против диктатуры президента Мориньиго, Эльвио Ромеро вступил в отряд повстанцев. Тема сопротивления режиму насилия и несправедливости стала основной темой его творчества. После подавления восстания молодой поэт жил в Аргентине, где в начале 1948 года вышла его первая книга, «Вспыхавшие дни», затем — в Бразилии, на Кубе, в Италии.

Книги стихов «Сухие отблески» (1950), «Пробуждаются вспышки пламени» (1953), «Солнце под корнями» и «Лицом к сердцу» (1955), «Эта гитара сурова» (1961), «Мы — безымянные» (1962), «Поэтическая антология» (1965) выдвинули Эльвио Ромеро в ряды лучших современных поэтов Латинской Америки.

Ромеро — автор семи поэтических сборников и книги, посвященной жизни и творчеству выдающегося испанского поэта-коммуниста Мигеля Эрнандеса. Произведения Ромеро широко известны и за пределами Латинской Америки, стихи его переведены на многие языки.

В настоящий сборник включены стихи Ромеро, взятые из всех его поэтических сборников, а также новые стихи, присланные им специально для этого издания.

ИЗ КНИГИ «ВСПАХАННЫЕ ДНИ»

КРОВЬ МОЯ — КРОВЬ НАРОДА

Здесь покоится Тани Рохас,
Тани Рохас, шарманщик.
Был он тихий, как заводь речная,
с виду — совсем еще мальчик...

Однажды Тани очнулся
и увидел народ свой нищим,
голодным, голым и босым,
бредущим по пепелищам
в тумане и черной печали
под окрики сытого сброда...
И молвил шарманщик: «Баста!
Кровь моя — кровь народа.
Когда глумятся над матерью,
сыновьям не к лицу робость!»
И ушел он, а люди гадали:
куда это делся Рохас?

А Рохасу захотелось
в жизни хоть что-то значить,
он понял, что долг парагвайца —
жизнь эту переиначить.
Шарманку сменив на винтовку,
он стал рядовым в отряде,
злойбный горячий ветер
трепал его черные пряди.
Одетый в пот, как в рубаху,
по топам он брел в лихорадке,
на скалах, в колючих дебрях
со смертью играя в прятки.
Он брел по глухим ущельям,
по диким кедровым чащам,

синеглазый и молчаливый,
с криком, в душе звучащим:

«Не люди они, а шакалы!
Пугливы и вороваты,
они трепещут от страха,
предчувствуя час расплаты!
Месть, как заря, алеет
над черными их делами,
зреет в пашне распятой
нашего гнева пламя!
И вот шакалы от страха
уже ни мертвы, ни живы...»

Уж он-то знал, Тани Рохас,
насколько они трусливы:
люди, грубо ломавшие
тонкие веточки детства,
люди, от чьих касаний
роняла листву невеста,
люди, не почитавшие
ни материнство, ни старость.

Вот почему в Тани Рохасе
свила гнездо свое ярость!
Он с папоротниками сросся,
и солнце его ласкало,
роняя теплую пряжу
на реки, рощи и скалы.
О чем-то плакали ивы,
и эхо шуршало где-то,
и было уже на подходе
золотого лето...

Здесь были его товарищи,
в атаку ходившие дружно,
и тот, кто сказал однажды:
«Парень, все, что нам нужно,—
это пашню дать землепашцу
и бедных насытить хлебом...»
Как рваные стяги, пальмы
трещали под низким небом...
Травинку грыз Тани Рохас,
когда свинцовые осы
жадно впились в его тело

и бросили парня на росы.
И вот он с землею слился,
со светлой ее чернотою,
голубое глубокое небо
стоит над могилой простою,
и ветер слова вышивает
на знамени небосвода:
«Здесь покоится Тани Рохас.
Кровь его — кровь народа».

ТРОПА К РАСПЛАТЕ

1

В раскидистых кронах деревьев, готовых зацвести,
жива наша месть.

В осенних аллеях, роняющих желтую медь,
жива наша месть.

В обугленных чашах, где остовов мертвых не счесть,
жива наша месть.

2

Я, вместе с народом деливший и радость и беды,
я, видевший день, на ночных перекрестках распятый,
я, знавший парней, умиравших во имя победы,—
я знаю, что колокол — это расплаты глашатай.

Я, видевший слезы росы на костях расщепленных
и профиль ощеренной пули, когда воровато
она подбирается к сердцу солдат утомленных,—
я знаю: в гудящем костре обитает расплата.

Я, сливший биение сердца с напевом народа,
я, в дрожи гитар утонувший, их страстью объятый,
трепещущий перед народом, как чистая нота,
я знаю: топор — это символ грядущей расплаты.

Я, верящий правде, ладоням ее загрубелым,
деяньем ее, откровенным, как грохот гранаты,
я, знавший подруг, не клонивших голов под обстрелом,
я знаю: под пеплом таятся побеги расплаты.

Я — колос, проросший случайно из зернышка песни,
я, гордый наречьем, вобравшим всю ярость набата,
я, выбравший сам этот путь через топи и бездны,
я знаю: на площади выйти готова расплата!

3

Тех, кто смеялся над матерями простоволосыми,
кто сердца их испугом ранил на каждом шагу,
тех, кто заставил их плакать в измятые простыни,
я простить не могу...

Тех, кто улыбку невест обезобразил рыданиями,
кто втаптывал девушек в грязь на пьяном торгу,
тех, кто кровью выпятнал их приданое,
я простить не могу...

Вы скажете: все-таки люди... снисхожденье к врагу...
Но я простить не могу!

4

На пороге рассвета, над спящей округой суровой
наша кара вплелась в горизонт полосой багровой.

Затрещали оковы, растрескались черные своды —
и трепещут шакалы, измявшие чистые всходы.

Я хочу, чтобы знали: жива справедливость на свете,
как простейшие вещи, как хлеб, как деревья и ветер.

Горизонт обложили немые сполохи пожара...
Пусть шакалы сгорят! Пусть настигнет их алая кара!

ИЗ КНИГИ «СУХИЕ ОТБЛЕСКИ»

БЕЗУМНЫЕ БОРОЗДЫ

Есть страны,
где в пшенице бродит бриз...

Здесь шквалы
в пашни мертвые впились.
Здесь зной, и жаркий обморок дорог,
и раскаленный добела песок.

Здесь блеск слепящий
и небес разлом,
здесь бьет жара карающим крылом,
здесь похоть лета на груди борозд
и засуха
во весь свой жаркий рост!

Есть страны,
где в пшенице бродит бриз...

Здесь над травой сожженной зной навис.
Здесь хрип предсмертный раздирает даль.

Здесь зной —
                  тугая черная спираль!

НАПЕВ

Какая рваная рана
от ножевого тарана!

Нож прорубает люто
красные тропы мести,
нож помечает утро
черной тропою смерти.

Стремительно прячутся в ночь
корни и птичьи стаи,
завидя издали уверенный нож
и широкие ножны —
грубый чехол для стали,
для этой сверкающей ноши.

Нож,
на камне злости заточенный,
луч, притороченный к поясу,
полумесяц во мгле полночной,
ты блестишь,
продираясь по лесу.
Я всматриваюсь по утрам
в каждый твой след —
длинный кровавый след,
в каждый шрам.

Нож, вонзи свое жало —
спереди или сзади —
в тех, кто грабастает жадно
даже речные заводи.

Если ты в их тела не войдешь,
для чего ты тогда,
нож?!

ОБМОРОК

Эту землю не тронь, если кровь не способна твоя,
прикоснувшись к ее пепелищам, зажечься, как факел,
озарить, как оживший костер, горизонт края.

Обесцвеченной картой пейзаж опаленный простерт.
Этот край обмолочен цепями палящего солнца,
перепахан тоской, жерновами печали истерт.

Между Югом и Севером он недвижим, как и встарь.
Он сплошной солнцепек, он, как бурая шкура, дымится.
Все вокруг пропитала густая прогорклая гарь.

Здесь безмолвствует Юг, как лишенный владений король,
он молчанье сжимает в морщинистой древней ладони,
лишь в стенаниях ветра его прорывается боль.

Запах листьев паленых окутал немые леса,
кровожадное лето крадется по зарослям м а т э ¹...
На сожженной траве человеческого пота роса.

Извивается Север: его полосует тесак,
отдирающий кожу коры с красностволых ке б р á ч о ²,
он исходит танином в кричащих от боли лесах!

Похотливые полдни, как полчища алчущих змей,
выползают из трещин и жалят безводные дали,
в кровь людей проникают и жадно купаются в ней.

А вдали, там, где сердце иссушенной этой земли,
где трепещут дремучего края тяжелые пульсы,
м а н и о к ³ неподвижный купается в жаркой пыли.

---

¹ Матэ — кустарник, из листьев которого готовят напиток, похожий на чай.

² Кебрáчо — дерево, из которого добывают танин.

³ Маниок — кустарник, из корней которого готовят муку.

Эти голые кручи и пади — приют бедноты.
Здесь рождаются дети с глазами, налитыми болью.
Полыхающим голодом вспороты их животы.

Эти дали издревле палимы безумным костром,
он вторгается в землю и гложет ее корневища,
он терзает просторы ее, он идет напролом!

Под палящими ветрами выстоял этот народ —
вековые деревья, покрытые грубой корою,
этот люд, с сердцевинной из крепких древесных пород.

Здесь на людях одежды, как травы сухие, горят.
Удушающий зной раздирает усталые глотки,
отравляет дыханье, как медленный ярозный яд.

Эту землю не тронь, если встретить не хочешь в ответ
вспышку ненависти и когтистых корней одержимость,
жаркий обморок бездны, пожара бескрайнего бред!

Этот край молчалив... Но его понапрасну не тронь:
под его пепелищами зреет незримый огонь!

ИЗ КНИГИ «ПРОБУЖДАЮТСЯ ВСПЫШКИ ПЛАМЕНИ»

СМЕРТЬ ПОГОНЩИКА

Напрасно звать его. Он не очнется,
он на земле простерт, как черный ствол.
Уже в его отрепья не уткнется
бугристой головой ленивый вол.

Лишь тишина звенит над ним отныне.
Не расплести ее тугих теней.
Уже ничто пылающей пустыне
его шагов усталых не вернет.

Напрасно звать: он, как мираж, распался
там, где страдал, одолевая зной
на пастбищах, учивших волопаса
сопротивляться ярости земной.

Теперь он тень. Под ним трава седая...
А впрочем, тенью был он и тогда,
когда, напрягшись, брел, одолевая
пустыню, по дорогам в никуда.

Вот все, чем он владел на свете белом.
Он пил прогорклых сумерек настой.
В пустыне этой шаткой быть сумел он
лишь тем, чем может быть песок простой.

А о другом и не мечтал он даже.
Вся жизнь его зависела от ног.
Теперь ушел он в мертвые пейзажи,
теперь над ним сомкнулась пыль дорог.

Он рухнул навзничь, человек без счастья.
Его останки травы оплели...
Живой он в горизонты не вмещался,
а умер — весь вместился в горсть земли.

ЗЕМЛЯ

Земля,
мне знакомы все твои лики.
Солнце вонзает в тебя раскаленные пики.
Мертвы твои пади,
черны твои палы,
глаза колодцев твоих запали!

Чтобы помочь тебе в этой беде,
надо быть искрой под пеплом костра,
семечком в борозде.
Надо бодрствовать до утра,
надо в спящую кровь,
как в двери, ломиться,
свежевать потемки когтями бурь,
надо в раскатистый гром облачиться
и натянуть на небо лазурь!

И все это —
чтобы стоять тебя, сестра:

ты пылаешь, и мўка твоя огромна,
земля моя — судорога костра,
камертон,
раздираемый рокотом грома!

ИЗ КНИГИ «СОЛНЦЕ ПОД КОРНЯМИ»

БОГОРЕЗ

Улыбчивый Лаку́, седей початка,
медоволицый, в липнущей рубашке,
творит святых, скобля ножом чурбашки.
Пот на руке — как влажная перчатка.

Змеится стружка цвета золотого.
Лоб старика в тяжелых каплях меда...
Его прозвали люди из народа
«Старик Лаку, медовый лик святого».

Как пилигримы в призрачной пустыне,
немые пальцы ищут терпеливо
святых — в поленьях лунного отлива,
апостолов — в багровой древесине.

Когда он зол, то и стамеска злится,
а радостен — ликует мастерская.
Когда скорбит, живая скорбь людская
ложится тенью на святые лица.

Так беспокоен он, так постоянны
его труды, смятенья и заботы,
настолько он ушел в свои работы,
что сам похож на образ деревянный.

Вы старика Лаку в толпе найдете:
его волнует жизнь простолюдина,
он ловит жесты, чтобы воедино
своих собратьев слить в древесной плоти.

Настолько зорек он, настолько точен,
что люди узнают в резных фигурах
себя самих — молчащих и понурых,
как старые деревья вдоль обочин.

Приблизив нож к безликой заготовке,
старик, чье сердце пышет юным жаром,
всю страсть свою передает ударам,
расчетливым, как выстрел из винтовки.

Творя святого, он и добр и страшен.
Он нож ведет то бережно, то резко.
Порой нежнее льна его стамеска,
порой остра, как плуг на теле пашен.

Как чародей, вселяя жизнь в обрубки,
он дев святых дарит земной красою:
он окропляет их глаза росой
и соком пачоли¹ наводит губки.

Он дружен с древесиной, и похоже,
что в нем сплелись тугие волокна
деревьев — этих изваяний солнца
с причудливым тиснением на коже.

...Змеится стружка цвета золотого.
Лоб старика в тяжелых каплях меда..
Его прозвали люди из народа
«Старик Лаку, медовый лик святого».

БЕК XVI

Как кровь, багров
земли покров,
деревья дремлют,
поле в пыль оделось —
твоя земля
в руках энкомендэрос²...

Если лицо твое — мяса месиво,
если в тебя аркебузы метаются,
если тебе твердят постоянно:
«Именем бога и короля!»—

---

¹ Пачоли — ароматическое растение; его красный сок используется как краситель.

² Энкомендэрос — держатели земли (буквально «те, кому поручается»), конкистадоры, поставленные королем Испании править на завоеванной земле.

а ты неподвижен,
то разве твоя она,
эта земля!

Если ты должен смиренно вынести
наветы хозяев и грязные вымыслы,
если охотятся на смутьяна
нож чужеземца, костер и петля,
а ты неподвижен,
то разве твоя она,
эта земля!

...Как кровь, багров
земли покров,
деревья дремлют,
поле в пыль оделось —
твоя земля
в руках энкомендерос!

МОЛЬБА К ПРАХУ ГВАТЕМАЛЫ¹

Свети тому, кто спал на росных травах
и жертвой стал.
Кто плачем изошел в ночах кровавых
и жертвой стал.
Кто воздвигал колосья в посевную
и жертвой стал.
Кто канул, как слеза, во глубь земную
и жертвой стал.
Кто птиц кормил с ладони мошкарою
и жертвой стал.
Кто башмаки стачал за так герою
и жертвой стал.
Кто бороду спалил, других спасая,
и жертвой стал.
Кто пытку перенес, язык кусая,
и жертвой стал.
Кто чиркнул спичкой, позабыв о риске,
и жертвой стал.
Кто по ночам хлеба сжинал для близких
и жертвой стал.

---

¹ Автор касается событий 1954 года, когда в Гватемале произошел реакционный переворот.

Кто был избит за капельку надежды
и жертвой стал.
Кто был одет в достоинства одежды
и жертвой стал.
Кто брел безмолвно, горестями мучим,
и жертвой стал.
Кто боль свою вздымал к свинцовым тучам
и жертвой стал.
Кто счастья на веку своем не встретил
и жертвой стал.
Кто путь по жизни всходами отметил
и жертвой стал.
Кто отвечал мольбам о милосердии
и жертвой стал.
Кто жил в отрепье, кто устал до смерти
и жертвой стал.
Свети тому, кто шел другим на смену
и жертвой стал
Кто эту жизнь любил, кто знал ей цену,
но жертвой стал.

ОФОРТ

Повис на кресте человек,
врагами распят.
Веревками человек
опутан до пят.

И ветер внизу...

Страна моя сотнями кож
натянута на кресты.
Распятый на бубен похож.

И ветер в лицо...

Под тяжестью трупа клонясь,
крест рушится в грязь.

И ветер вверху!

ИЗ ЦИКЛА, НАПИСАННОГО ПО МОТИВАМ ПОЭЗИИ ИНДЕЙЦЕВ ГУАРАНИ¹

ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ

Пружинистый прыжок!

На лбу небес испарина созвездий.
Мгновенье магии.
Рычание.

На лунном теле — ягуара тень!

Оскалив белые клыки,
злой ягуар луну подкараулил:
с его клыков стекает сок луны,
с клыков жестоких ягуара ночи,
с клыков жестоких ягуара ливня,
он — синий ягуар,
клыки свои вонзивший в синий ветер.
Он — оскорбление луны,
чей сок стекает с яростных клыков,
которые до этого впивались
в полночный ветер,
а луна молчала.

Погоня в небе. Синий ягуар
луну околдовал.

Мгновенье магии.
Рычание ягуара
гремит в горах,
перелетает к ветру,
от ветра — к воздуху,
от воздуха — обратно к ягуару,
а ягуар...

---

¹ Индейцы гуарани — основное население Парагвая. Язык гуарани был родным языком поэта.

(Пружинистый прыжок!)

...а ягуар клыки в луну вонзает!

В ответ луна оскалила клыки:
клыки луны
перед клыками ягуара —
два белых перекошенных оскала,
оскал луны в оскале ягуара,
испуг луны, безумный бег от белых
клыков разгневанного ягуара,
летающего луне наперерез.

На лбу небес испарина созвездий..
Погоня в небе, ярость ягуара...

Охлопья шерсти ягуара
над белыми охлопьями луны;
охлопья белошерстные луны
смешались с шерстью ягуара..
Луна
в охлопьях шерсти ягуара?
В охлопьях лунной шерсти
ягуар?
Луна — клыки вонзает в ягуара?
В луну клыки вонзает ягуар?

Погоня в небе. Синий ягуар
луну околдовал.

В ответ луна оскалила клыки:
клыки луны
перед клыками ягуара —
два белых перекошенных оскала,
оскал луны в оскале ягуара,
испуг луны, безумный бег от белых
клыков разгневанного ягуара,
летающего луне наперерез.

Пружинистый прыжок!

Мгновенье магии.
Рычание ягуара
    гремит в горах,
        перелетает к ветру,
            от ветра — к воздуху,
            от воздуха — обратно к ягуару,
            а ягуар...

А ягуар луну на небе съел!

ИНАМБУ́-И

(Дикая перепелка)

Испуг в траве!

Неповторимый посвист
и клюв — с землею вровень.
Стрела внезапная над лугом,
пронзительная звонкая раскраска
под камни и песок,
стремительная искорка в кустах
и флейта съесты¹.

Смятенье перепела.
Переполох в траве!

КАРА́-КАРА́

(Заклинание воинов)

На охоте стерты стрелы,
затупились
    пики.
Навостри оружие наше,
ястреб дикий!

Чтобы щиты наши стали упруге,
дай на щиты нам хвоста полукружье —
    веер лучистый.

---

¹ Полуденные жаркие часы, когда зной вынуждает жителей тропических стран сделать перерыв в работе.

С крыльев могучих — перо зоревое,
чтоб ожерелье снизить боевое,
ястреб когтистый,
ястреб когтистый!

Опери тугие стрелы,
чтоб они вонзались в тучи
и гудели в поднебесье,
ястреб могучий!

Дай нам чутье твое, древняя птица,
чтобы надежно в лесу схорониться
полночью мгlistой.
Дай нам расчет и уверенность птичью,
чтобы упасть, словно тень, на добычу,
ястреб когтистый,
ястреб когтистый!

Научи не утомляться
и легко парить над кручей,
не бояться расстояний,
ястреб могучий!

Дай нам свое недреманное око,
взгляд неусыпный крылатого рока,
зоркий и быстрый.
Острую меткость на долгой охоте
в чаще, в ущелье и в топком болоте,
ястреб когтистый,
ястреб когтистый!

Наши трубки духовые
смертью начини колючей,
подари нам выдох ветра,
ястреб могучий!

Выучи нас продираться по чаще
через угрюмый, огромный, рычащий
лес остролистый.
Дай головы заостренной посадку,
ловкость удара и мертвую хватку,
ястреб когтистый,
ястреб когтистый!

Одари нас быстротою,
легкой скоростью летучей,
властелин большой охоты,
ястреб могучий!

Зоркий добытчик, немой соглядатай,
дай нам свой хищный, большой, крючковатый
клюв сноровистый.

Дай нам дыханье свободное птичье,
дай нам обличье свое и величье,
ястреб когтистый,
ястреб когтистый!

На охоте стерты стрелы,
затупились
пики.

Навостри оружие наше,
ястреб дикий!

Дай же нам с крыльев перо зоровое,
чтоб ожерелье снизить боевое,
ястреб когтистый,
ястреб когтистый!

ИЗ КНИГИ «ЛИЦОМ К СЕРДЦУ»

ДРЕВНИЙ ОГОНЬ

Смотреть на тебя, неподвижную и нагую,—
это видеть цепочку холмов, а за нею другую,
плечи белые дюн над обрывистыми откосами..
Обнаженная, ты белее, чем белые простыни.
Смотреть на тебя — это древние вспомнить истоки,
это корни, и недра, и ветер жестокий,
распыляющий горы в работе своей напряженной...
Все это — видеть тебя обнаженной.

Тело твое — косогоры, откосы, нагорья,
кожа твоя — словно чуткая территория
туманных предчувствий и жарких догадок,
ты дымишься, как дерево, и дымок этот сладок,

но ты недоступна в любви своей настороженной...
Все это — видеть тебя обнаженной.

На боках твоих синими ветрами-лезвиями
две лощины причудливые прорезаны...
Ты кажешься мне розоватою поймой,
залитой весенней водою спокойной,
поляной, огнями цветов подожженной...
Все это — видеть тебя обнаженной.

Смотреть на тебя — это видеть немые дожди,
сбегающие по твоей холмистой груди,
вторгаться в безбрежье волнистых просторов,
кровь твою выследить до самых истоков,
словно сталь, намагнититься о магнит
твоих кос и тревожного рта: он манит,
и уже невозможно сдержать эту боль,
не догнать, не напасть, не сразиться с тобой,
не сгореть в этой страсти, тобою зажженной...

Все это — видеть тебя обнаженной!

ПЕСНЬ

Я отыскал колодец, где на дне
твой голос о глухие стены бьется.
Внизу вода и ты. Я — в вышине,
склоненный над закраиной колодца.
Колодец, ты и я — здесь трое нас,
ты смотришь вверх, и взгляд сквозит печалью.
В полуоткрытых раковинах глаз
я робкий свет жемчужин различаю.
Колодец дышит, он колеблет мглу
курением глубин, распадом донным.
А я, приникнув к черному стволу,
тянусь к тебе, к твоим призывным стонам.
Из глуби я на свет тебя извлек,
чтобы отныне ты была со мною,
как влажный пульс, как синий бочажок,
любовью переполненный земною!
Нас молодость свела на этом месте,
она сияет в каждом нашем жесте.

Мы утренние недра — ты и я.
Любовь легко легла на наши плечи.
Мы две реки, два древних бытия.
Два профиля — два вскрика человечьи!

МЫ — БЕЗЫМЯННЫЕ

(Поэма)

1

Мы не имели названья,
лишенные пашен парни,
с именами полуистертыми,
нищего края парии,
с глазами, налитыми горечью,
с глазами, как черные пади.
Одетые в платья чужие,
засеяв чужие пашни,
мы на каменных тропах
стерли до крови пальцы —
люди, людьми презираемые,
люди обид и опалы,
те, что на ночь с цепи
собак и костры спускали.

В ту пору мы не имели имен,
бедняцкие дети в рваных одеждах.
Нас, как кутят, подзывали свистом,
кивком или просто обрывком имени,
мы жили под жалами ливней и ветра,
босые в холод, и не имели
ночами ни очага, ни крова,
нас трясла болотная лихорадка,
мы завидовали сильным парням,
в трущобах били с тоски фонари
и умирали внезапно, как старцы,
от какого-то острого беспокойства —
от шквала, жалящего изнутри.

Мы месяцами брели по шпалам,
как будто это была тропинка

на пути к исполнению наших желаний
(желаний пасмурных или ясных —
в зависимости от времени и расстоянья),
мочились в кюветы пылающих сумерек,
были грубыми и держались заносчиво,
нам снились большие лесные озера
и хижина в чаще молчащего леса;
нам снились мстители, нападающие
на ошетиенные частоколы,
умирающие под перекрестным огнем
с дерзкой улыбкой, на взмыленной лошади,
дикувато косящейся на кусты!

2

Мы не имели имен
и были всю жизнь бедняками,
нам в кровь разбивала губы
людская злоба и камни,
высохли наши лица,
мы решали спор кулаками.
В нас расцветали подсолнухи.
Маленькие великаны,
мы прятали гнев под бровями
и дерзость — под языками
и для защиты на ночь
собак и костры спускали.

Черной была наша жизнь на дорогах,
все оттенки голода нам знакомы,
мы шли по тропинкам тропических ливней,
по стежкам полыхающей съесты,
под слепыми ударами урагана,
переламывающего стебельки маниока.
Мы узнали зной бредового лета,
повисшего на кокосовых пальмах,
собак, облизывающих посох слепого,
пружинистых змей и лесные цветы.
Мы близко знакомы с полем и фабрикой,
с немymi таинственными растениями,
мерцающими у кромки болот,
с клейким смолистым потом труда
в шумном цеху гомонящего полдня,
с платком, на котором чистая девушка

начертала узор своего томленья,
мы знакомы с иностранными клеймами
на мешках, громоздящихся у причала,
и с таинственной немотой мужчин,
готовых к стремительному отпору.

Уже тогда мы стали догадываться
о взрывчатости наших предчувствий,
о мятежной стихии дремотной стали,
притороченной к поясу смельчаков,
умирающих с песней.

И стали прислушиваться
к мелодиям апельсиновой рощи,
к шорохам, скрытым внутри дождя,
приглядываться к иероглифам шрамов —
к этим историям нерасшифрованным,
прочерченным на смуглой коже пеона.

Потом мы выучили напевы
гордых, яростных поединков
и тронули струны гитар, чьи секреты
были секретами грустных людей,
обзавелись словами, пугавшими
своею ненавистью и мятежом,
словами, похожими на гимны восстаний.
Наши груди открытые напоминали
шкуры желтые леопардов,
крадущихся по раскаленным дебрям
и по обманчивой зыби болот.
Мы узнавали по лицам плантации,
теперь мы знали каждую борозду,
оцелованную семизвездьем Плеяд.
Эти земли давали зловещие всходы,
эти земли кровью кропили губку
нашей дубленой пористой кожи.
Мы знали теперь, что означают
вспышки на лезвиях сонных м а ч é т е ¹,
мы видели, как люди падают
в бунтующих и скорбящих горах,
по которым кочуют туманы и ярость,
мы познакомились с гордым мужеством,
с тишиной, распростертой на скользкой земле,
и с жарой, притороченной к поясу лета.

---

¹ Тяжелый тесак, сельскохозяйственное орудие, широко распространенное в Латинской Америке.

Мы комья глины багровой,
 грубый жаргон предместья,
 древняя древесина
 и первобытное тесто,
 заря, ослепленная пылью,
 от которой некуда деться,
 сон, потревоженный ливнем,
 пробужденье в глубинах леса,
 колос в год недорода,
 детство, лишенное детства,
 путь по дорогам несчастий,
 путь по тропинкам протеста,
 путь через пустоши злобы,
 через чащобы злодейства.
 Мы не имели имен,
 нам не было в жизни места.

Черной была наша жизнь на дорогах,
 все оттенки голода нам знакомы.
 Нам знакомо прерывистое дыхание
 дней, готовых напасть из засады,
 печальный плач дождя над равниной...
 Мы горечь нужды испили до дна.

Но однажды произошло неожиданное:
 внезапно мы начали постигать,
 в каком направлении дует ветер,
 и увидели горизонт напряженный,
 подрумяненный утренним солнцем.
 Как-то так получилось, что мы,
 рабами робкими бывшие с детства,
 люди, чей взгляд терялся в пространстве,
 как изломанное русло реки,
 грубые парни с босыми ступнями,
 разлапыми, как табачные листья,
 люди, жмущиеся по стенам,
 изувеченные и опаленные
 адским пламенем латифундий,
 люди с грудью, сожженной солнцем,
 иссеченной бороздами татуировки,—
 как-то так получилось, что мы
 поняли вдруг, о чем так настойчиво
 кричат охрипшие наши глотки,

постигли, что все чудеса на свете
не могут сравниться с обычным чудом
наших больших натруженных рук.

Теперь все краски встали на место,
теперь был найден выход для страсти
и было просто выяснить иксы.
И вот проснулись умершие реки,
и ноги людей зашагали сами,
выискивая пути покороче,
все ожило под порывами света,
и дрова сторали теперь не напрасно,
их пламя грело тех, кто мечтал,—
вот так мы почувствовали внезапно
упругую огненную уверенность.

Теперь мы знали, что Революция —
это не только мятежное слово,
а мощный поток, чтобы век за веком
утолять постоянную жажду людей.
Теперь мы постигли, что Революция
может людей наделить достоинством,
желанием жить, наделить доверием
к трепетным пульсам, к священной дрожи,
возникающей при сближеньи людей.

Так бывает, когда доверяют друг другу
две влюбленных руки. А в небе луна.
Так бывает, когда в пустыне находишь
свежий родник. А в небе луна.
Так бывает, когда молоко увлажняет
губы ребенка. А в небе луна.
Так бывает, когда от острого счастья
девушка стонет. А в небе луна.

Мы узнали, что есть спокойные ночи,
дремлющие на груди у дня,
что на мужчин (таких же, как мы)
опираются дымчатые рассветы,
что цветок способен украсить руки
неискушенных и чистых юношей,
что существует дремотная прихоть
с пальмы бриза срывать кокосы,
что можно костер развести на холме
и любоваться дымком синеватым,

что звезды направляют движение
прибоев, взбегающих на берега.

Мы поняли, что тропкам не обязательно
петлять в стороне от людского глаза,
что звезды могут помочь заблудившимся,
что споры решает не только нож,
что не напрасны хлопоты лета
и муки семян, творящих колосья,
что солнце — добрый косматый король.

Тогда-то мы и постигли, что жизнь
непостижимо красива, как дерево,
отягченное птицами и минутами,
постигли, что можно закинуть голову
и просто так любоваться небом,
не испытывая ни стыда, ни страха,
что можно полною грудью вдыхать
запах корней и влажных борозд.

Мы поняли, что, восстав, мы откроем
все запертые калитки и двери,
раздвинем занавес скорбных сумерек,
что нам доступно все в этом мире:
любовь и бескорыстное мужество,
песня, и радостная улыбка,
и плодородие океанов!

Однажды мы постигли все это!
Мы, до этого безымянные.

ИЗ КНИГИ «ЭТА ГИТАРА СУРОВА»

ЗНОЙ

Упало на землю лето.
Упало,
сумерки запалив, как костры,
выжимая смолы
из древесной коры,
из пашен и кожи волов,
обезумевших от жары.

Это лютное лето!

Когда партизан
травы сосет, чьи стебли остры,
а губы пылают, а жажда жива,
и над съестой сухого зноя шатры!

Это лето упало.

Это птицы пылают,
как маленькие огненные шары.
Это повсюду поблескивают
зноя костры!

ЭТА ГИТАРА СУРОВА

1

Сколько от древнего пыла и пыли каленой
на ее струне воспаленной!

Сколько от мужества и молчаливой скорби
в ее воинственном коробе!

2

Омытая однажды отважной кровью горной,
растекшейся по струнам трагическим аккордом,
на спекшихся гвоздиках, в ночи немой и черной
суровая гитара замрет в молчанье скорбном...

Припомнив вереницу ночей горячих, страстных
и клевера смятенье, когда бушуют грозы,
припомнив унижение имен простых и ясных,
суровая гитара прольет скупые слезы...

Волнуясь, страстно вторя людской мятежной дрожи
и непокорным людям, через огонь бредущим,
чья руки на магниты корявые похожи,
суровая гитара споет о дне грядущем.

И в день, когда к жасминам их белизна вернется
и серый пепел в росах рассветных растворится,
когда красе весенней природа улыбнется,
суровая гитара запоет, как птица!

Когда не слезами, а шелком невеста платок окаймит,
суровая эта гитара, как ветер, в траве прошумит.

Когда к изумрудной равнине придет на свиданье гора,
суровая эта гитара их будет стеречь до утра.

Когда на оснастке гитары блеснет молодая луна,
суровая эта гитара очнется от страшного сна.

Когда наши пашни земные покроются всходами звезд,
суровая эта гитара, как пахарь, пройдет вдоль борозд.

Когда утвердится победа, сияньем людей озарив,
гитара суровая людям, как руку, протянет свой гриф!

ИЗ НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

*Памяти парагвайского мученика
Уилфридо Альвареса*

Он грезил о стране,
бурлящей, как стремнина
реки, чей берег бел
от лепестков жасмина.
Маис об этом дне
ему ночами пел...

В его лице была бугристость глины,
морщинистость земли, обличье мест,
где дерзостно мужал его протест,
посеяв ярость в тайные глубины
гитар народных, стонущих окрест.

Он грезил о стране,
красивой, как рубаха, чьи узоры
дождь вышивал в рассветной тишине,—
заря, чьи ленты вплетены в зеленые просторы...
Хотел он, чтобы люди наравне
владели пашнями — чтоб голоса сплетались в хоры.

Говорил он: хватит для всех
хлеба на этой земле,
когда будет земля для всех.

Хлеба хватит для всех.

Говорил он: мир на земле
приласкает усталого брата,
когда будет мир на земле.

Мира хватит для всех.

Говорил он: будет прекрасным
наш край свободный. Пусть будет
свободным наш край прекрасный!

Он мечтал о стране,
светлой и щедрой, где не будет кровопролитий и гнета,
где не будет руин. Он грезил о светлом дне —
дне пахоты и дне обмолота,
когда кровь будет петь, как вода на речной быстрине.
Он грезил... Но неустанной была работа
его рук, его глаз, его голоса в этом огне,
в этих пожарищах, в этих битвах без счета.

Он грезил о солнце. О сердце, дрожащем на гитарной струне.

Его лицо почернело
от пыли и жаркого ветра.
Он восстал за тех, кто не встал.
Одетый в платье рассвета,
он в ночах зажигал зарю.
Он свободным был и за это
страдал во мраке тюрьмы.
Но в домах прибавилось света.
Он кричал за тех, кто молчал.
Он другим служил беззаветно.

Сейчас он от нас ушел, но от поры до поры
он появляется там, где режут косматые, яростные костры,
возвращаясь к подпольной буре полдневных часов,
где чистое сердце его поет среди других голосов.
Он вглядывается в лица людей, погруженных во мрак
тирании, вглядывается в истерзанный свет, в голод и прах,
в унижение и гордость.

Он возвращается по ночам
к тому же самому, чтобы бросить в лицо палачам
свою ярость, которая глубже и горячеей
трусливой ярости палачей,
которая огромней стократ
подлой злости шакалов.

Он возвращается в этот ад
живым и цельным, словно и не покидал
этот край, который жизнь ему дал.

Вот и сейчас, в этот вечер,
он возвращается к нам с улыбкою на устах,
чистый, как эта дорога, где солнце он поднял на плечи,
сильный, как этот лес, который он видел в мечтах,
возвращается, окруженный товарищами — солью земли:
они возвращаются вместе, к земле, простертой в пыли,
возвращаются вновь и вновь, каждый раз
в эти дни, чтобы мстить за народную кровь, за всех нас!

Вот так возвращается он по вечерам и утрам,
человек, чье сердце поет устами пылающих ран.

БОЙЦЫ ВЬЕТНАМА

Это мрак.

Это больше, чем мрак.

Это сдержанный вздох, еле видимый знак.

Это след, впечатанный мраком во мрак.

Это лес.

Это больше, чем лес.

Это шорох в тиши и таинственный блеск.

Это мгlistое эхо, объявшее лес.

Это ночь.

Это больше, чем ночь.

Это вкрадчивый свист, улетающий прочь.

Это свист непонятный, пронзающий ночь.

Это — дерево.

Это больше, чем дерево.

Это ужас прищельца, миражное марево.

Это лица в листве, цвета дерева.

И бамбук.

Но не просто бамбук.
Это поле, где рис разверзается вдруг.
Это — в ямах волчьих — острый бамбук

Это день.

Это больше, чем день.
Это страх палачей и возмездия тень.
Это утро — вхождение в будущий день

И народ!

Нет, не просто народ:
это край отважных надежд, где народ,
взяв оружие, в себе воскрешает народ!

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги «Вспаханные дни»

Кровь моя — кровь народа	3
Тропа к расплате	5

Из книги «Сухие отблески»

Безумные борозды	6
Напев	7
Обморок	8

Из книги «Пробуждаются вспышки пламени»

Смерть погонщика	9
Земля	10

Из книги «Солнце под корнями»

Богорез	11
Век XVI	12
Мольба к праху Гватемалы	13
Офорт	14

Из цикла, написанного по мотивам поэзии индейцев гуарани.

Затмение луны	15
Инамбуй	17
Кара-Кара	17

Из книги «Лицом к сердцу»

Древний огонь	19
Песнь	20

Мы — безымянные (поэма) 21

Из книги «Эта гитара сурова»

Зной	26
Эта гитара сурова	27

Из новых стихотворений

Поющее сердце	28
Бойцы Вьетнама	30

Эльвио Ромеро
ЗЕМНОЙ ЗНОЙ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 10681. Подписано к печати 17/VIII 1966 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 1,0 физ. печ. лист. 1,40 условн. печ. лист. Тираж 118 850.
Изд. № 1569. Заказ № 1704. Цена 4 коп.

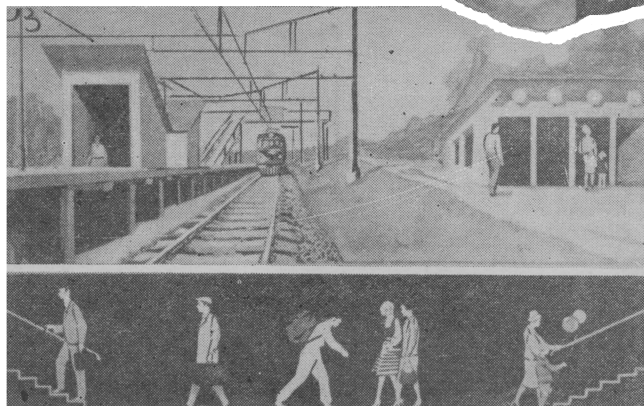
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 4 коп.

Индекс 70668.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ МОСТАМИ

И ТОННЕЛЯМИ

ПЕРЕХОДИТЬ ПУТИ В ДРУГИХ МЕСТАХ ЗАПРЕЩАЕТСЯ